



В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

При Петре I * Опять юродивые, настоящие
и лже... * При Петре III * При Екатерине II

ПРИ ПЕТРЕ I

Теперь посмотрим, как обстояли дела с психиатрией в России XVIII века. Когда царём стал Пётр Алексеевич, кое-что в подходе к содержанию сумасшедших и обращению с ними поменялось, но далеко не сразу. Ну не до них было государю: то стрельцам надо головы поотрывать... ну хорошо, поотрубать; то недвижимостью в низовьях Дона обзавестись, то турпоездку по Европам устроить. А уж военный-то туризм каким увлекательным занятием оказался: Балтика, Каспий, та же Сибирь с Камчаткой...

В целом положение наших местных сумасшедших отчасти спасало и смягчало то, что к ним по-прежнему относились довольно мягко и довольно терпимо. И на костёр тащить не спешили: а вдруг человек на самом-то деле блаженный какой или юродивый? Иные святые при жизни своей такое отчебучивали, что эта дурь ещё цветочками может показаться. Спалишь такого или придавишь тишком — и как потом апостолу Петру у ворот объяснять, что ты не латентный басурманин и не замышлял ничего богопротивного и противоправного, а хотел, чтобы всё по правде было? Нет, кое-кого и сжигали, и топили, и втихую душили, но до европейского размаха нашим было ой как далеко.

Случались, однако, и громкие дела, доходившие до царя. Особенно когда случались прямо под боком.

Припёрся, значит, как-то раз в караулку к солдатам истопник Евтюшка

Никонов и ну их смущать речами непотребными. Как потом писали в допросном листе со слов тех служивых, «пришел к солдатам на караул, говорил, будто-де великий государь проклят, потому что он в Московском государстве завёл немецкие чулки и башмаки».

Самого Евтюшку на тот момент допросить не представлялось никакой возможности, потому как этот ирод «в Приводной палате кричал и бился и говорил сумасбродные слова и плевал на образ Богородицын, и на цепи лежал на сундуке и его держали караульные солдаты три человека и с сундука сбросило его на землю, и лежал на земли, храпел многое время, и храпев уснул».

Пытались несколько раз допросить попозже, как проспится, но тщетно: с Евтюшкой «учинилось сумасбродство и падачая болезнь».

Дело, однако, было серьёзным — уж стрелецкие-то бунты свежи были в памяти царя, особенно последний — и 28 апреля 1701 года Пётр Алексеевич диктует указ, контрастированный (подписанный, то бишь) князем Фёдором Юрьевичем Ромодановским.

Того истопника Евтюшку Никонова послать в Новоспасский монастырь...на месяц и велеть его, Ефтифейка, в том монастыре держать за караулом опасно, и того же за ним смотреть и беречь накрепко; в том месяце над ним, Ефтифейкою, какая болезнь и сумасбродство явится ль; и в том сумасбродстве какие нелепые слова

будет говорить, то всё велеть по числам записывать».

Долго ли, коротко ли, но получил государь в итоге из монастыря записочку о том, «что над ним, Ефтифеем, никакие болезни и сумасбродства, и никаких нелепых слов не явилось, и в целом он в своём уме и разуме». То ли не хватило истопнику ума закосить под дурачка, то ли монахи были не лыком шиты, то ли намеренно смутьяна решили до цугундера довести, а только повелел царь:

Евтюшке Никонову за его воровство и непристойные слова учинить наказание, бить кнутом и, запятнав, сослать в ссылку в Сибирь на вечное житьё с женой и детьми».

Вот такая получилась судебно-психиатрическая экспертиза.

Правда, такую, с позволения сказать, экспертизу назначали далеко не всегда. Если сомнений особых клинический случай не вызывал — то есть дурь и сумасбродство суду и без того видны были, то всё происходило быстрее и проще.

Будучи тот Юдин на Ельце и на Воронеже в губернской канцелярии сказал за собою государево слово, которое касается к чести царскаго величества. И по присылке в Преображенском Приказе тот Юдин не роспрашиван, для того что явился во изступлении ума и говорит всякия сумозбродныя слова, которых и писать невозможно. ...и послан под начал в Симонов монастырь, велено его держать в том монастыре, покамест он исправится в уме, и смотреть над ним накрепко, чтоб он из того монастыря куда не ушел».

Но ежели пахло политикой, да ещё и человек не распоследний фигурантом дела выступал — тогда копали основательно: а вдруг поступает он так не от слабого ума, а по злому умыслу? Вот, к примеру, донесли на помещика Ртищева его же крепостные, будто он...

Вслух про царское величество непристойныя слова говорил такая: чёрный орёл, победитель, разоритель государства Московскаго, старых слуг вывел, Москву завёл в другой земле».

Стали разбираться, допрашивать свидетелей. И выяснили про помещика Ртищева следующее: он-де...

Бывает в изступлении ума... и учинилось ему то безумство сонному в прошлых годах лет с 10; бывает страх великий и безпамятство, и в разные времена бегивал неведомо куда, и в день и по ночам показывалось ему дьявольским привидением страхований; да та ж болезнь на нём же была и на службе в белгородском походе, и по отпуску из полку везён он дорогою связан и от людей своих в безпамятство ушол, пришёл в Москву к отцу своему один и отец отвёз его в Переяславль Залесский в Борисоглебский монастырь и отдал под начал... и по ныне временно в той же болезни бывает же..»

Ну да, видимо, не совсем исцелел, раз такой рецидив приключился. В общем, убедился князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский, что и в самом деле помещик Ртищев того... совсем главою скорбен. Да и повелел судить, как про то в градских законах заведено («аще седми лет отрок или бесный убьёт кого, неповинен есть смерти»).

Того Ртищева послать под начал в Покровский монастырь, что на убогих домах, и велеть держать его под крепким началом покаместа в исправление и в крепость ума сдержан будет вовсе; а жену его освободить; а изветчика отдать жене его с роспискою; а буде скажет ненадобен отослать его в Никитин полк и отдать его в солдаты».

А то ишь чего удумал: на помещика своего кляузы писать.

Позже, когда страсти из-за проводимой Петром I церковной реформы разгорелись не на шутку, царь не

только за расплодившихся юродивых архиереям попенял, но и воспретил в 1723 году отправлять сумасшедших в монастыри: есть-де Главный магистрат, вот пусть он госпитали и обустроивает, в том числе для скорбных главою. Магистрат, правда, как-то не разбежался дурдома строить, и потому после смерти государя душевнобольных по-прежнему слали к монахам, а в 1727 году Священному синоду даже было велено официально: дураков в монастыри принимать, на указ Петра I и на то, что обители не резиновые, не ссылатся.

ОПЯТЬ ЮРОДИВЫЕ, НАСТОЯЩИЕ И ЛЖЕ...

У самой же церкви, к слову, малость поиссякло терпение к тем, кто выдаёт себя за юродивых: ишь, придут в храм — и начинается балаган. Кричат, понимаешь, бегают, падающую изображают, песни распевают, всякие прочие бесчинства творят и к прихожанам цепляются. И ладно бы действительно юродивые были. Так ведь нет. Либо обычные дураки, либо хитрая

сволочь, которая норовит из наивных богомольцев лишнюю копейку вытянуть себе в карман. Церковная власть времён Петра I преследовала лжеюродивых (ханжей), которых предписывалось помещать в монастыри «с употреблением их в труд до конца жизни»; указом 1732 года воспрещалось «впускать юродивых в кошунных одеждах в церкви».

ПРИ ПЕТРЕ III

20 апреля 1762 года (с днём рождения, отечественная психиатрия!) царь Пётр III в служебной, так сказать, переписке с Сенатом на предложение чиновников сдать в монастырь

душевнобольных князей Козловских (не спрашивайте меня, кого именно и из какого колена: сколь ни пытался раскопать в родовых книгах — так и не нашёл ни одного из многочисленных

Козловских, о коем было бы сказано, что в этот период времени он был помещён в лечебницу или монастырь) отвечает резолюцией.

Безумных не в монастыри определять, но построить на то нарочитый дом, как то обыкновенно и в иностранных государствах учреждены доллгаузы, — а в прочем быть по сему».

В Сенате почесали в затыках: мол, чудит наш немчик, чтоб ему от геморроя помереть. Но поди поспорь — занятие это может оказаться не только несовместимым с карьерой, но и суицидальным. В общем, запросили они Академию наук:

Каковы в иностранных государствах для безумных учреждены доллгаузы, тем в Академии с имеющихся планов и на каком основании они безумные содержатся со учреждения, учиня перевод на российский диалект, взнести в Сенат».

А мужики-то... пардон, академики-то и не знали, что это за звери такие — доллгаузы.

Да и не было в том их вины: в самом Берлине всё ещё были в ходу Tollenkisten, они же Dollkasten, — то бишь ящики (или клетки) для сумасшедших. Какие уж тут хаузы. А венский Наррентурм ещё даже в проектах не отвечивал. Нет, были и другие заведения для умалишённых, но в малом количестве и не столь известные, как тот же Бедлам. Но шеф сказал «бурундук птичка» — ищи крылья.

Побежали к Герхарду Фридриху Мюллеру, который к тому времени уже просил называть его просто, скромно

и по-русски Фёдором Ивановичем Мюллером: выручай, говорят, дорогой ты наш Фёдор Иваныч, подскажи, что Сенату ответить. Ты же у нас историограф и вообще редкостная умничка, даром что с Ломоносовым полаялся на том, кто больший патриот.

Мюллер взялся за дело со всей своей немецкой педантичностью — и тоже не нашёл нигде ни слова о доллгаузах. Пришлось запрашивать коллег из Европы, что-то выдумывать самому — и в результате для Сената был написан проект «О учреждении дома для безумных (Dollhaus)», а самого Фёдора Ивановича можно назвать отцом русской психиатрии. Или первым русским психиатром. Или... да неважно, просто с него всё более-менее организованное в этом направлении и началось, пусть он до того с психиатрией дел и не имел вовсе.

Первым делом (говорю же, очень педантичный и методичный был человек) Мюллер рекомендовал разобраться, кто из сумасшедших как именно с ума сходит.

Безумным есть различие по степени безумия: эпилептики, лунатики, меланхолики, бешеные. Ещё каждые из сих по степеням болезни бывают разные, а все они суть отягощением общества, есть ли не будут содержимы в особливых домах, где бы о их прокормлении и пользовании старания возымели».

И этот самый особливый дом Мюллер велит особливо и устроить.

Строение каменное о двух или трёх этажах с небольшою церковью, для помещения в нижнем этаже бешеных,

во втором меланхоликов и лунатиков, в третьем — эпилептиков».

Больные, пишет Мюллер, должны различаться не только по помещениям, но каждой категории, соответственно роду болезни, назначается и особый режим. Для бешеных: камеры с окнами, которых нельзя было бы достать, и с решётками, никакой мебели, ложе на полу...

Некоторых приковывают к стене цепью. Надсмотрщик наказывает их неинако, как малых ребят, иногда одного показывания лозы достаточно».

Священники? Какие священники? Надо, чтобы...

Доктор употреблял всякие средства к их излечению, а прежде, нежели придут в разум, священникам у них дела нет, кроме того, что за них Бога молить».

Для меланхоликов и лунатиков:

Меланхолики и лунатики содержатся по мере их болезней. Некоторые могут жить по два и по три человека в одной камере и за общим столом кушать. Доктор пользуется их, и многие выздоравливают, священникам ходить и испытывать, которые из них в состоянии понимать их учение, и с усердием Бога молить».

Для эпилептиков:

Эпилептики призрываются вместо богадельни и чтобы не впадали в припадки без присмотра на улицах».

Мюллер коснулся и правил помещения в сумасшедший дом:

В иностранных государствах иногда родственники сажают родственников в доллгаузы за малые меланхолические припадки или и напрасно, дабы пользоваться их имением, а такие люди, сидя в доллгаузах, иногда совершенно с ума сходят от печали, чего ради, чтобы такое не сделалось, остерегаться должно и приказать докторам, лекарям и надзирателям, чтобы все поступки тех, которые жаловаться будут, что посажены напрасно, с прилежанием наблюдали и чтобы Главному попечителю представляли».

До того момента, когда такой закон в России будет принят, пройдёт ещё 230 лет...

Продумал Мюллер не только штаты доллгауза, но и правильное их размещение.

Подлекарь и цирульник должны жить в доме, а доктор и лекарь в близости, дабы и кроме определённых часов их присутствия, во время нужды всегда и вскорости сысканы быть могли».

ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

Но то был представленный Сенату проект; что же до его исполнения... да просто как-то не до того стало:

Петра III ушли, и о доллгаузах при Екатерине II (и то с подачи Сената — мол, тут проектик ещё от прошлого

шефа заваялся) вспомнили только через три года. И 8 августа 1765 года подписала императрица именной указ: учредить два доллгауза, один в Новгороде, в Зеленецком монастыре, другой в Москве, в Андреевском. Но перед тем как приступить к делу, захотела всё же узнать, как оно поставлено на неметчине. А то мюллеровские прожекты — это, конечно, прекрасно, но есть же специальные люди...

И вспомнила, что как раз сейчас там, в заграничах, обретается разругавшийся в пух и прах с Ломоносовым и Мюллером ординарный русский академик (и опять историк) Август Людвиг Шлёцер. Чего разругались-то? Да как раз из-за ординарности: оклад-то положен всего в 860 рублей, и никаких перспектив роста. А денег хочется. Ну и славы, само собой. Императрица разрешила выдать Шлёцеру заграничный паспорт и отправила в Гёттинген с Богом и наказом продолжать заниматься российской историей, но уже под её личным покровительством. Ну и российских студентов там привечать велела. А тут, как нарочно, такое дело: нужно, чтобы умный человек своими глазами глянул, как в Германии сумасшедшие обустроены. Вот и отписала ему София Кристиановна... ентшульдиген битте, Екатерина Алексеевна: выручай-де, любезный Август Иоганнович, глянь там, что да как. Ну тот и глянул, конечно. И обстоятельно о том отписал.

19-го августа 1765 г. по прибытии своем в Линебург, я отправился вместе со студентом Иноходцевым в доллгауз, который находится в версте от города и называется „Широкий луг“.

Из латинской надписи этого дома я узнал, что он основан в 1566 г. согласно приказу и декрету Магистрата и назначен для лечения чумных больных. В 1610 г. переустроен и усовершенствован, и, наконец, в 1722 г. переделан в последний раз.

Местоположение этого дома весьма хорошо и вполне соответствует своему назначению. Широкий луг, местами обросший кустарником, окружает этот дом и служит местом для прогулки умным и неумным людям. Вокруг дома находится ров, который прежде служил к изолированию дома, когда ещё он был больницей зачумлённых.

В настоящее время в этом доме находится только одиннадцать помешанных, и все они безумные. Между ними не видно ни одного бешеного, которого следовало бы посадить на цепь.

Впрочем, мне показывали особую комнату, более похожую на яму, где недавно заключён был один несчастный. В одной стене пробито было отверстие в другую комнату для того, чтобы можно было притягивать бешеного к стене и привязывать его так, чтобы он не мог ничего сделать служителю, когда последний убирает комнату.

Эти одиннадцать помешанных мужчин и женщин содержатся на счёт легата, но содержатся довольно бедно.

По воскресеньям и праздникам они получают ветчину и несколько раз в неделю сыр, постоянная же их пища состоит из гороха и других овощей.

Никто не заботится о том, чтобы возвратить им умственные способности, и только в случае физического

заболевания, призывают специально назначенного хирурга. Помешанные пользуются возможной свободой, они прогуливаются по лугу. К работам их не принуждают, однако некоторые прядут шерсть, которую и продают в собственную пользу, другие работают в огороде, но без принудительных к тому мер.

Один смотритель и одна кухарка заведывают всем домом. Первый получает еженедельно 1 талер. Самодовольная мина и гордый тон, с которыми он произнёс «один талер еженедельно», вызвали во мне патриотическое желание, чтобы управители будущих долгаузов в России довольствовались 50 р. в год.

Ещё заметим (что особенно заслуживает похвалы), что припасы не закупаются смотрителем, но доставляются еженедельно чиновником магистрата. Вследствие этого страдающие не находятся в опасности получить испорченную и дурную пищу и не отданы на произвол смотрителя, — ему трудно действовать в ущерб больным, потому что он был бы принужден делиться с чиновником, и выгода представилась бы слишком незначительною.

Из всего, что я увидел и узнал, вывожу следующее заключение:

1. Начало подобных учреждений в Германии было положено правительством, основные законы гуманной и христианской политики этого требовали. В первое время своего существования эти заведения были незначительны и только, благодаря пожертвованиям частных лиц, впоследствии приняли более обширные

размеры, так что многие из них сделались весьма богатыми.

2. Все лица, находящиеся в таких учреждениях, служат *par honneur et par charite* (ради чести и из сострадания). Главная дирекция поочередно поручается одному из членов Магистрата, и никто не может от того отказаться.

3. *Quod fieri potest per pausa* (что можно сделать малыми затратами) ... строго исполняется! Смотритель и кухарка заведуют всем заведением, а о конторе ничего не знают.

4. Магистраты в городах имеют главный надзор над этими заведениями и назначают для этого одного из своих членов. Это следовало бы сделать и в России, но большое различие между германским и русским Магистратами могут представить к тому некоторые затруднения...

Все богоугодныя заведения, число которых в Европе так значительно, и между которыми дома для помещанных представляют *species*, суть весьма сложныя учреждения, получивши только после долгих опытов настоящее своё совершенство. Трудно поверить, сколько возбудило удивления и возвеличило славу Екатерины II её желание учредить подобныя заведения и в России.

Богатая нация, подобная русской, не имеющая недостатков благотворительности, скоро опередит все другия. Желательно, чтобы по примеру Петра Великаго прежде узнали об устройстве подобных заведений в других краях, не только посредством запросов, на которые могут последовать неполные

ответы, но посредством отправления за границу опытных людей».

Вот как надо писать отчёты о командировках!

Видя, что доллгауз обсуждать и строить будут ещё долго, а сумасшедших уже скопилось прилично, Екатерина II в 1766 году диктует ещё один указ, который надолго закрепит за одним из монастырей функции психиатрической спецбольницы.

Сосланных из бывшей тайной канцелярии для исправления в уме в разные монастыри колодников, по именам десять человек, для лучшего за ними присмотра и сохранения их, равно, чтобы от них, какого, по безумию их вреда кому учинено не было, свести из некоторых, состоящих в Московской губернии монастырей, в Спасо-Евфимиев монастырь, определяя для смотрения за ними воинскую команду от суздальской провинциальной канцелярии».

Оно бы всё хорошо, да только про тот, от 1765 года, императрицын указ сначала забыли, а потом и забыли: не до того. А проблема-то никуда не делась. Вон в Санкт-Петербурге население выросло, а значит, выросло и количество душевнобольных. А уж они, будучи предоставленными сами себе, сильно вредили благолепию столицы: то в присутственных местах начнут дисциплину хулиганить, то на улицах бардак бедокурить — ну сумасшедшие, что с них возьмёшь. Власть возмутились: мол, куда полиция смотрит? Главное полицейское управление взяло под козырёк, и в 1766 году издало распоряжение: всем жителям столицы, у кого дома

есть душевнобольные, немедленно, под угрозой штрафа, обязаны доложить в Управление — как они содержат своих сумасшедших, что делают, чтобы оградить от их дури здоровых жителей города.

Зря они это сделали. Не подумав. У горожан-то наболело, и более всего у тех, кто этих сумасшедших дома держал. Сначала треснул почтовый ящик, а потом чуть не треснуло само Управление: многие ведь не поленились лично прийти и своих подопечных привести. Полицейские оказались, что называется, фраппированы и обескуражены, хотя вслух выразились более ёмко. И в итоге всё же пришлось задумываться о средствах на постройку или переобустройство отдельных специальных домов.

Но одно дело задуматься — а кто всё это будет строить и обустраивать? А главное — кто даст на это денег? Желających как-то не нашлось, причём даже через 7 лет, когда в 1773 году Николай Иванович Чичерин, сенатор, генерал-аншеф, столичный генерал-лицеймейстер и вообще далеко не последний в Петербурге человек, берётся лично присмотреть за исполнением Высочайшего повеления от 6 ноября того же года об организации в губерниях Петербургской, Московской и Казанской призрения душевнобольных в монастырях (по два — мужской и женский — в каждой губернии), дело пошло с большим скрипом.

Потом, правда, всё же сдвинулось с мёртвой точки: в 1775 году, когда Екатерина II пожелала поделить страну на губернии, не забыла она

и о Приказе общественного призрения. В XXV главе «Учреждения для управления губерний», которая была как раз посвящена этому приказу, в статье 389 было написано:

В разсуждении установления и надзирания дома для сумасшедших Приказу Общественнаго Призрения надлежит иметь попечение, чтоб дом избран был довольно пространный и кругом крепкий, чтобы утечки из него учинить невозможно было. Таковой дом снабдить нужно пристойным, добросердечным, твёрдым и исправным надзирателем и нужным числом людей для смотрения, услужения и прокормления сумасшедших, к чему нанимать можно или из отставных солдат, добрых и исправных, или же иных людей за добровольную плату, кои бы обходились с сумасшедшими человеколюбиво, но при том имели за ними крепкое и неослабное во всё время смотрение, чтобы сумасшедший сам себе и никому вред не учинил и для того держать сумасшедших по состоянию сумасшествия или каждаго особо заперта, или же в таком месте, где от него ни опасности, ни вреда учиниться не может, и приложить старание о их излечении.

Сумасшедших неимущих принимают безденежно, а имущих имение принимают в дом неинако, как за годовую плату на содержание, присмотр и на приставников».

И уже со следующего, 1776, года Приказы общественного призрения начали открывать первые «жёлтые дома» (ну вот таким цветом повелось красить кирпич и штукатурку этих государственных заведений). Первый такой

дом открылся в Новгороде. Вообще Новгород в этом деле оказался впереди всея Руси, поскольку первый дом для подкидышей и инвалидов, который принимал на проживание и сумасшедших тоже, построил в Колмове ещё в 1706 году митрополит Великоновгородский и Великолуцкий Иов.

В Первопрестольной для этих же целей выбрали Екатерининскую больницу. Тут я немного отвлекусь, чтобы показать вам интересную аналогию. Один из первых сумасшедших домов в Европе был, как я вам уже рассказывал, организован в 1326 году в Сант-Гергене, что неподалёку от Эльбинга (нынешнего Эльблонга) на месте бывшего лепрозория Святого Георга. Далее, Август Людвиг Шлёцер в своём докладе про обустройство германских доллгузов описывает заведение «Широкий луг» в Линебурге, которое было учреждено в 1566 году для лечения чумных больных, а в 1610 году уже принимало там сумасшедших. Ну не пустовать же местам, в которых более никого размещать то ли не желают, то ли опасаются.

Но вернёмся в Москву. В 1770 году в город пришла чума. Умирало в те дни и по тысяче горожан в день, а когда и поболее того. Хоронить просто не успевали — а подчас и некому было, и трупы просто бросали на улице или закапывали где-нибудь во дворе или на огороде. Карантин? Какой такой карантин? А, этот, который немчики устроили? Да они оттуда живым никого не выпускают, кровь пьют! Да ещё и до иконы Божьей Матери, ироды, не допускают, а она, говорят, от мора исцеляет. Начальники-то небось успели приложиться да из города сбежали. Вспыхнул

бунт. Бунт подавили — сначала оставшийся за крайнего генерал-поручик Пётр Еропкин с Великолуцким полком показал бунтующим, что здесь им не тут, а уж к шапочному разбору и Гришка Орлов с четырьмя полками лейб-охломонов прибыл.

Тут и призадумалась Екатерина Алексеевна, что, помимо наказания невиновных и награждения не причастных, неплохо бы и больничку какую в Златоглавой учредить. И особым указом учредила на 3-й Мещанской карантинные дома. А когда чума ушла, прихватив с собой изрядную часть населения Москвы, императрица решила, что месту пустовать не следует: ей тут челом били, будто не хватает в городе больниц для простого люда. Да и сумасшедших тоже надо куда-то девать.

И именным указом от 12 марта 1775 года повелела учредить больницу, которую назвали Екатерининской, а ещё позже — Старо-Екатерининской. Поначалу это были 13 оставшихся в наследство от чумного карантина деревянных домов. Открыта эта больница была, если верить докладу «действительного тайного советника, сенатора и кавалера Дмитриева-Мамонина», 19 июня 1776 года. Также в докладе было упомянуто, «что вмещаться могут во оную больницу до сто двадцати четырех человек и двадцати шести сумасшедших, а всего сто пятьдесят человек».

Что такое двадцать шесть мест для Москвы, даже тогдашней? Да нет ничего. Учитывая, что сам Дмитриев-Мамонин не особо горел желанием

размещать рядом с обычными пациентами ещё и умалишённых. Нет, кое-какое количество сумасшедших смог взять на себя Инвалидный дом, который в 1779 году открыли в специально прикупленном для этой цели бывшем владении камер-юнкера графа Салтыкова, но тоже не сказать чтобы много.

Наступит XIX век, и положение начнёт исправляться, но когда он ещё наступит... А пока душевнобольных распределяли между Екатерининской больницей (где Дмитриев-Мамонин в конце концов оставил всего троих), инвалидным и смирительным домами. Что ещё за смирительный дом, спросите вы? Было в Москве и такое учреждение, предназначавшееся «для ограждения общества от многих предезостей, добронравие нарушающих», и туда отправлялись — когда на время, а когда и навсегда — горожане, «обществу стыд и зазор приносящие». Попросту и в большинстве своём — пьяницы и дебоширы. Ну и сумасшедшие, само собой. Но не только.

Кстати, и Екатерининской больницей, и инвалидным домом и рабочим, и смирительным домами как важными пунктами общественного призрения заведовал обер-полицмейстер Николай Петрович Архаров. Ага, тот самый, по фамилии которого с чьей-то лёгкой руки полицейских ещё долго будут называть архаровцами.

7 июня 1785 года императрица издаст указ на имя Якова Брюса (спокойно, не на того, который колдун с Сухаревой башни, а на его внучатого племянника Якова Александровича,

генерал-губернатора и главнокомандующего в Москве).

Граф Яков Александрович! Желая, чтобы престольный Наш город Москва снабден был всеми нужными и полезными заведениями, повелеваем: 1) Больницы и богадельни для призрения немощных и способов к пропитанию лишенных, умножить в числе людей, сообразно многолюдству города...»

Правда, от этого указа и до начала строительства Московского доллгауза, или Преображенской больницы для сумасшедших, пройдёт ещё без малого четверть века, но нужный импульс был получен.

В Петербурге для сумасшедшего дома сыскалось место посерьёзнее: аж целая бывшая усадьба Артемия Петровича Вольнского, опального кабинет-министра Анны Иоанновны, которого та велела четвертовать в 1740 году за... да было за что.

Вот в одном из домов этой усадьбы и расположился доллгауз аж на 60 человек — чай, не Москва, не бедствуем.

Первые сумасшедшие заселились туда в 1779 году, а 16 (или 27, смотря по какому стилю считать) августа 1780 года на набережной Фонтанки состоялось торжественное открытие больницы, которую назовут Обуховской (а что

тут выдумывать: рядом Обуховский мост и Обуховский проспект).

Через четыре года больница обзаведётся первым каменным (мужским) корпусом на 300 мест. Тридцать две комнаты в этом корпусе отдадут сумасшедшим.

В 1789 году комнат выделяют больше — уже сорок четыре, причём десять из них — для тех, кто побогаче.

В 1790 году в Обуховской будет лежать уже 124 безумца, а 1791 году — 143. Открытия остальных корпусов душевнобольные пациенты Обуховской не увидят: в 1828 году по велению вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны доллгауз переедет на Петергофскую дорогу. Сама императрица новоселья тоже не застанет, скончавшись аккурат в день празднования иконы Всех Скорбящих Радости — и больницу нарекут именем этой иконы Божьей Матери.

Ещё пару доллгаузов откроют в Екатеринославле и Симбирске (там — уже в 1772 году). Настоящий же, если можно так выразиться, дурдомостроительный бум настанет в следующем веке. Причём и сам этот бум, и заметное повышение градуса интереса к безумцам в целом и психиатрии в частности, и стремительное развитие этой совсем юной по тем временам науки. Причём по всему миру.





Странствующий хирург извлекает камень глупости из головы мужчины; символическое излечение от глупости (безумия) (An itinerant surgeon extracting stones from a man's head; symbolising the expulsion of 'folly' (insanity) Line engraving after L. van Leyden. Wellcome Collection. Public Domain Mark. Source: Wellcome Collection)



Странствующий хирург извлекает камень глупости из головы гримасничающего мужчины; символическое излечение от глупости (безумия) (An itinerant surgeon extracting stones from a grimacing patient; symbolising the expulsion of 'folly' (insanity). Engraving. Wellcome Collection. Public Domain Mark. Source: Wellcome Collection)



Головы женщин перековывают в мастерской рядом с морем как средство излечения женщин от сумасшествия (The heads of women are reformed in a workshop by the sea; suggesting a cure for the 'madness' of women. Line engraving, 17--. Wellcome Collection. Source: Wellcome Collection)